

18+

Иван Завьялов

Опавшие листья брахмана

Атман. Реинкарнация.
Брахман

Иван Завьялов

**Опавшие листья брахмана.
Атман. Реинкарнация. Брахман**

«Издательские решения»

Завьялов И.

Опавшие листья брахмана. Атман. Реинкарнация. Брахман /
И. Завьялов — «Издательские решения»,

В книге впервые показано, как вывод о реинкарнации естественным и рациональным образом вытекает из осознания человеком собственного «я» — Атмана. Однако такая реинкарнация не переселение души, как нематериальной сущности, из тела умершего в тело родившегося человека. Это иное. Возможно именно так мыслили создатели раннего брахманизма и буддизма, о чем говорил виднейший русский индолог Ф. И. Щербатской.

© Завьялов И.

© Издательские решения

Содержание

Краткое введение	6
НЕМНОГО ЛИЧНОЙ ИСТОРИИ	8
Сложность описания опыта чистого «я»	10
От голой субъективности «я» к гипотезе о реинкарнации	12
МАРКЕР БРАХМАНА	15
ФИЛОСОФИЯ АТМАНА	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Опавшие листья брахмана Атман. Реинкарнация. Брахман

Иван Завьялов

© Иван Завьялов, 2026

ISBN 978-5-0070-5736-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иван Завьялов

Краткое введение

В этой книге впервые показано, как вывод о реинкарнации (перерождении, перевоплощении) без каких-либо религиозных оснований и мистических прозрений естественным и рациональным образом вытекает из познания человеком собственного «я». Как философия «перерождения» вытекает из философии «Атмана» — «Я».

Книга представляет собой сборник обработанных заметок — «опавших листьев» (образ «опавших листьев» для названия своей книги, состоящей из отдельных заметок, в начале 20-го века придумал великий русский мыслитель В. В. Розанов). Они о личном опыте «я» человека, философии Атмана и реинкарнации, о возможных первоосновах буддизма и брахманизма. Частично заметки размещались в социальных сетях, отсюда ссылки на определённых блогеров и повторы текста. Они не носят эзотерического, научного характера, ссылаются, но не опираются на индологию и буддологию как науки, брахманизм (включая адвайта — веданту) и буддизм как исторические религии. Со сделанными выводами и интерпретациями вряд ли согласится кто-то из профессиональных востоковедов или людей религиозных (индуистов, ведантистов, буддистов и др.). Однако здесь впервые реконструируется и раскрывается суть реинкарнации такой, какой как она могла быть сформулирована и понималась первыми брахманами (Риши) — создателями Упанишад, Сиддхартхой Гаутамой, Шанкарой и другими древними восточными мыслителями.

Реинкарнация — это не переселение души из тела умершего человека в тело родившегося (метемпсихоз). Хотя такое ошибочное представление является самым распространённым в настоящий период времени. Реинкарнация — не то, что о ней говорят эзотерики и, частично, религии, она — совсем иное, это последовательность «я», как идеально отполированных бусин на леске времени, соприкасающихся друг с другом без зазора. Её существование выводится не из мистического опыта, а из рациональных рассуждений человека, получившего особый субъективный опыт — опыт чистого «я».

Каждый человек на земле имеет шанс стать брахманом, архатом, буддой и получить опыт чистого «я» («опыт брахмана»), причём вне принадлежности к какому-либо из современных восточных религиозно-философских учений, вне принадлежности к касте брахманов. Вопрос — нужно ли это.

Люди, получившие «опыт брахмана», «опыт будды» и знающие суть реинкарнации, а также их сторонники должны образовать особую общность, стремящуюся к переформатированию мироздания, где живое не убивает живое, где нет хищников и паразитов, для создания мира, где правит только добро. Такая сверхзадача требует активного развития социальных систем, развития науки и технологии. Цель: жизнь любого живого существа должна быть без страданий, а смерть — без боли и страха. Это сверхзадача для человеческой «элиты добра» на многие сотни, а может быть, и тысячи лет. Если современное человечество, конечно, сохранится.

Книга написана намеренно вне научного формата. Перед её автором стояла такая же проблема, которая в своё время, видимо, стояла и перед Буддой Гаутамой: научный язык попросту не позволяет адекватно выразить учение/знание, в основе которого находится интуитивный/экзистенциальный опыт человеческого «я». Как писала В. Г. Лысенко, «учение Будды, будучи истиной, открытой интуитивно, в акте прозрения, останется лишь личным опытом её открывателя до тех пор, пока он не сможет объяснить её другим, причём объяснить так, чтобы его поняли, т. е. прибегая к каким-то общезначимым законам мышления и аргументации. Для понимания характера *Дхармы* (учения об основах мироздания) надо учитывать, что любое её словесное выражение не является раз и навсегда отчеканенным и единым инвариан-

том. Оно, напротив, ситуативно, инструментально и приурочено к задачам наставления конкретного человека или аудитории».

НЕМНОГО ЛИЧНОЙ ИСТОРИИ

Экзистенциальный опыт чистого «я»

В Праге промозгло и холодно. В Москве холода, как правило, сильнее, но такой промозглости (именно «до костей») я не помню очень давно. Как будто зима поблизости от океана.

Помогает крестьянский рынок рядом с домом, пиво с жареным сыром, «Бехеровка» и кофе. Ну и интернет по вечерам. Приходил в гости Алексей Л. Обсуждали проблемы издания его институтом переводов иностранных авторов, пишущих по проблемам экономики, политики, психологии, семантики. Говорили о блогосфере.

Что можно сказать... Одна из главных ценностей блогосферы заключается в возможности общаться с умными людьми на расстоянии вытянутой руки, знакомиться с их текстами быстро, когда они только вышли из-под пера.

Одна из ценностей умных людей, пишущих в блогосфере, заключается в том, что их труд освобождает тебя самого от формулирования важных, пусть и не основных мыслей, которые можно использовать для того, чтобы собственное повествование было более обстоятельным и понятным для окружающих. Ведь без таких частей текстов, как вводные слова, отступления, дополнения, они оказываются и менее красивы, и воспринимаются тяжелее, а это плохо.

Год я собирался начать с красивой фразы Д. Е. Галковского (Д.Е.Г.), это и делаю.

«Философ, пишет Д. Е. Г., — это человек, обладающий крайне высоким уровнем интеллекта, но также по тем или иным причинам игнорирующий культурный контекст эпохи. Что человек с высоким IQ делает редко. С чего должна начинаться национальная философия? Она не может, как это происходит в случае литературы, опираться на национальную традицию других народов. Это будет „история философии“. В начале должен быть индивидуальный экзистенциальный опыт...»

«Экзистенциальный опыт» — это особый базис для развития мысли, он кардинально отличается от таких базисов, как «начитка», «осмысление текстов», «изучение истории развития представлений» и тому подобное. В этой фразе, собственно, и находится ключ ко всему тому, что было написано раньше в рамках «атманского» цикла в соцсетях и что будет написано здесь.

У меня событие, которое можно назвать «экзистенциальным опытом», произошло почти сорок лет назад (мне было 15 лет и я учился в 9-м классе). От него, собственно, и ведётся отсчёт всему последующему мировоззренческому и интеллектуальному пути.

Не буду говорить, как произошло это событие, обстоятельства совершенно не важны, да и к тому же совершенно не интересны, я просто ехал в школу на метро. Скажу лишь, что никаких стимулирующих этот опыт внешних средств и событий не было (ни алкоголя, ни табака, ни стресса, ни книг, ни йоги, ни психотехник, ни тому подобного), он просто произошёл.

Сам опыт был ощущением голой, «химически чистой» субъективности среди мира «не-я». Субъективности, не «смазанной» в восприятии восприятием объективного.

Описать это словами невозможно, потому и пробовать не буду. В обычной жизни представить себе такой опыт и такое ощущение нельзя. Так получается, что субъективное и объективное в человеческом восприятии самого себя и окружающего мира у 99,999% людей в 99,999% случаев сосуществуют в смешанном состоянии без чёткого структурирования по отношению друг к другу.

К примеру, человек смотрит на свою руку, трогает её, произносит «моя рука», и в этом уже есть и первое, и второе: субъективно — рука часть меня, объективно — это наблюдаемый мною объект. Человек всегда «стоит перед зеркалами». В «бесконечности отражений» обыч-

ный человек не имеет возможности «вычлени́ть» самого себя как голого субъекта, отличного от мира объективного.

То есть для обычного человека вычленение «чистой субъективности» — это просто абстракция. Допущение, не данное в ощущениях. А раз так, то стержнем и аксиомой для последующего развития представлений о мироздании, о месте человека в нём «химически чистая» субъективность не становится.

Вместе с тем, если объективное и субъективное смешиваются в восприятии, это не значит, что они сливаются, вступая в «химическую реакцию», где и первое, и второе исчезают, образуя некую новую субстанцию. Напротив.

Тысячи людей проходят по берегу водоёма с бурым песком на берегу. И только человек, имеющий особо острое зрение или специальный инструмент — лупу, микроскоп, может опытным путём убедиться в том, что бурый цвет образуют ярко-синие, красные, белые, чёрные, жёлтые, фиолетовые и т. п. песчинки. Именно красное, синее, белое, чёрное, жёлтое, фиолетовое, разделённые между собой в восприятии и анализе, будут атрибутами той настоящей реальности, изучение которой может принести истинное знание о природе вещей и о сути мироздания, заключённого в водоёме.

То же самое можно сказать и о субъективности, не смешанной с объективным. Её осмысление приносит истинное знание о сути мироздания и человеческой судьбе, жизни и, что особенно важно, — смерти.

Сложность описания опыта чистого «я»

Одна из любимых и важных для меня цитат из Фихте:

«Мы начинаем с этой лекции ряд рассуждений, которые в основе своей выражают лишь одну, представляющую органическое единство, мысль.

Если бы я мог теперь же передать вам эту мысль с такою же ясностью, с какою я должен был осознать её прежде, чем приступил к выяснению своей задачи, с какою она будет руководить мною во всём, что я скажу, то с самого начала был бы вполне освещён весь тот путь, который нам предстоит совместно пройти.

Но я принуждён лишь постепенно воссоздавать перед вашими глазами эту мысль посредством всех её частей и выводить её из всех обуславливающих её составных элементов; это необходимое ограничение, налагаемое всяким изложением; и именно благодаря этому основному закону то, что само по себе есть лишь одна мысль, разрастается и разветвляется в ряд мыслей и рассуждений»¹.

Фихте заметил правильно. Интеллектуальное озарение, которое возникло в сознании и оформлялось в нём через осмысление не более чем в течение нескольких секунд, для «внешнего пользования» требует выстраивания цепочки рассуждений, чтение которых может занять дни, недели, месяцы, сотни и тысячи страниц.

Свою одну-единственную мысль сам Фихте был вынужден раскрывать ни много ни мало на 784 страницах (считаю по русскому изданию).

Ваш покорный слуга, уловив (в течение нескольких секунд) в юном возрасте существо субъективного (не слившегося и не перемешанного с объективным), выстраивает цепочки рассуждений вот уже почти сорок лет.

Но, судя по реакции читателей моих заметок в блогах, в изложении своего опыта и его логических следствий я пока далёк от нужного результата.

Сначала, в 1986 году, я по наивности думал, что нужно просто почитать литературу и тогда нужные слова и словесные формулы для передачи того, что почувствовал, осознал и к чему пришёл я, можно найти в ней, ведь вряд ли со мной случилось что-то уникальное. Справочная литература по философии не помогла. Учебники, философские словари, профильные статьи энциклопедий, публикации журнала «Вопросы философии» Академии наук СССР никакого результата не дали.

Термины были те же, на которые опирался и я (субъект—объект, объективное—субъективное, я — не-я), но существо и контекст их использования были совершенно неподходящими. Причём это была не просто смысловая пустота, а пустота напряжённая — заполненная словами, образами, которые все вместе и каждое по отдельности не передавали ничего из той реальности, свидетелем которой я стал.

То есть представители «школьной», «академической» западноевропейской и русской философии — те, кто изучал историю философии и обучал других людей этому предмету, помочь ничем не смогли.

Подбирать самому нужные слова и выстраивать с их помощью словесные формулы, которые бы дали нужный образный эффект умственного восприятия, оказалось чрезвычайно сложным. Признаваться самому себе в пятнадцать—восемнадцать лет в том, что какие-то интеллектуальные задачи не получается решить, было тяжело, ведь это возраст свершений и безграничных перспектив. Но никак не возраст интеллектуальных тупиков.

К счастью, на вопрос к самому себе — почему ничего не получается, был дан хороший внешний ответ. В нашей стране появились переведённые тексты «Структуры магии» Джона

¹ Фихте И. Назначение человека. Наукоучение / пер. с нем. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 5.

Гриндера и Ричарда Бендлера (основателей NLP)², в которых они чётко показали разницу между исходным фактическим опытом, осмыслением и его языковой моделью. Они понятно объяснили, что человеческий язык в большинстве случаев в принципе не может со 100% чистотой передать то, что было дано в первичном восприятии.

Значит, нужно было работать с языком, точнее, создавать собственный, с одной стороны, но понятный для окружающих, с другой стороны, язык.

Уже через несколько дней после «опыта субъективного» я вывел из него представление о последствиях смерти человека, на основании которого причисляю себя, надеюсь, что основательно, к той же группе людей, которые более двух с половиной тысяч лет назад сформулировали философскую доктрину брахманизма, а также к тем представителям буддизма, которые понимают, что такое голая субъективность «я», и владеют первичными представлениями о реинкарнации.

Мы с этими людьми не знаем, что будет после смерти. Но мы придерживаемся одной из наиболее логичных гипотез насчёт того, как это будет. Это самое «как» — ответ на вопрос о сути реинкарнации.

² К работе Гриндера и Бендера многие учёные относятся скептически, считая её псевдонаучной, но мы тем не менее приводим её здесь, т. к. её вводные положения являются, с одной стороны, очевидными, с другой стороны, написаны простым языком и не уходят в трудно воспринимаемое обычным читателем наукообразие (как, к примеру, тексты Леонарда Талми).

От голой субъективности «я» к гипотезе о реинкарнации

В трудах европейских философов я не нашёл, чтобы направление их мысли прошло через ту точку «голой субъективности», которая у меня самого стала камертоном для настройки представлений о реальности. В ряде случаев их мысль проходила достаточно близко, но, приблизившись к ней, далее, в своём развитии и продолжении, она удалялась в ином направлении.

Что-то достаточно близкое можно было почувствовать в текстах Вейнингера (не столько по конкретике текста, сколько по ощущениям субъективизма автора).

Деперсонализм Дэвида Юма был очень близок важнейшему представлению о точке «я» (исходному моменту субъективного), поскольку в исходной точке восприятия модели «я — не-я» нет личностных (то есть сущностных) характеристик. Они — содержательные характеристики, образующие личность, — заведомо внешние по отношению к «голому я» и вполне могут меняться с сохранением субъективного начала.

Из-за этого я не исключал, что среди англичан, в принципе, мог существовать закрытый и непубличный кружок философов, «поймавших» это знание, но не развивающих свои представления перед внешним миром как в силу ограниченных возможностей языка для содержательной передачи этой модели мировосприятия, так и в силу практической ненадобности этих представлений для больших масс людей.

В конце концов никакого инструментального, прагматического значения для науки и общественной жизни такого рода философия «голой субъективности» иметь не могла.

Тем, с чем я вообще не мог отождествлять свои мысли, и то, откуда я (как мне казалось) не мог вообще почерпнуть какого-либо философского и языкового инструментария, были популярные представления о сути восточной (в частности, индийской) философии, а также эзотерические учения «восточного» толка.

Для последнего были как субъективные, так и объективные причины.

Субъективные заключались в том, что я, как человек консервативно-почвеннического круга, попросту не мог себя ассоциировать ни с одним из религиозных направлений, кроме христианства, тем более с восточными религиями и оккультно-мистическими системами. Кроме того, никакой «религиозности» и «мистицизма» в моих представлениях не было — для меня они строились и стояли на сугубо эмпирической и рациональной основе.

Объективные заключались в том, что ничего из того, что описывалось в философских словарях, учебниках и массовой околофилософской литературе по восточным учениям, я к своей модели применить не мог.

Одна из главных причин неприятия эзотериков заключалась в том, что все они реинкарнацию понимали как переселение субъективной сущности (души) из одного физического тела (умершего) в другое физическое тело (вновь родившегося) — метемпсихоз. Сейчас среди широких масс людей метемпсихоз — это наиболее распространённое представление о сути реинкарнации. Вот, к примеру, как пишет об этом «Википедия»:

«Реинкарна́ция (*лат.* *reincarnatio* — «повторное воплощение»), то есть **перевоплощение**; также **переселение душ**, **метемпсихоз** (*др.-греч.* *μετ-εμψύχωσις*^[4] — «переселение души»), в **буддизме** — **пунарбхава** — группа **религиозно-философских** представлений и верований, согласно которым *бессмертная сущность* живого существа (в некоторых вариациях — только **людей**) перевоплощается снова и снова из одного **тела** в другое. Эту бессмертную сущность в различных традициях называют **духом** или **душой**, «божественной искрой», «высшим» или «истинным **Я**»; в каждой жизни развивается новая **личность** индивидуума в физическом мире, но одновременно определённая часть «я» индивидуума остаётся неизменной, переходя

из тела в тело в череде перевоплощений. Ряд традиций утверждает, что череда перевоплощений имеет некоторую цель и душа в ней претерпевает эволюцию. Представление о переселении душ присуще не только ряду религиозных систем, но встречается и в отрыве от какой-то религиозной системы, например, в личном мировоззрении».

То есть традиционные для европейцев представления о душе как личностной бессмертной сущности они изымали из модели «мирская жизнь — небесная жизнь» и технически переводили их в модель «жизнь первого и последующего живого существа», сопровождая их при этом морализаторскими построениями о том, что судьба «души» в будущем теле зависит от её поведения в теле предыдущем.

По сути, они смотрели в восточные тексты, но понимали их, трансформируя сквозь христианизированные и ставшие укоренёнными для европейцев представления о бессмертии души как сущности и влиянии её личных заслуг.

Ассоциировать свои представления с представлениями основателей брахманской философии и их позднейшими буддистскими оппонентами (в их понимании последствий смерти как реинкарнации) я стал достаточно поздно. Уже после того, как сам для себя сформулировал то, что хотел и считал достаточным сформулировать о сути «я» и реинкарнации.

Сначала в какой-то книге А. Кураева (сейчас, к сожалению, не помню, какой именно) увидел цитату одного из православных миссионеров, который пересказывал суть представлений буддийских авторов о субъективном, а также о субъективных последствиях смерти человека. Цитата настолько точно отражала то, что определял для себя я сам, что волей-неволей пришлось задуматься.

Уверенность в тождественности собственных взглядов с отдельными мыслями основателей буддизма пришла после приобретения книги В. Г. Лысенко, Л. А. Терентьева и В. К. Шохина «Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма»³. Авторы описывали некоторые воззрения старых мыслителей, про которые я бы мог сказать: «это про то, что было и в моей голове». Потом я начал дополнять свои заметки редкими, но близкими мне и отражающими моё мировоззрение и логику его развития цитатами из работ Ф. И. Щербатского, иных работ В. Г. Лысено и В. К. Шохина, Н. В. Исаевой и др. Прекрасных работ по брахманизму и буддизму очень много, пишут умные люди.

Стало понятно, что выводы основателей брахманизма и буддизма о природе реинкарнации были не совсем те, которые были распространены как в прошлом, так и в современной философской литературе.

Получалось, что мыслители, глядя на тот же предмет, что и основатели брахманизма и буддизма, с одной стороны, не имели в своей матрице восприятия нужной структуры, которая могла бы верно и воспринять, и отразить воспринятое. С другой стороны, они не имели того языкового инструментария, которым можно было передать смысл того, что восприняли люди, имеющие нужную структуру, — условные «брахманы» и «будды».

При этом проблема языка, как оказалась, была не только проблемой научного, литературного и бытового языков народов, принадлежащих к ареалу европейской культуры. Это, по всей видимости, была проблема языка как такового, поскольку она изначально стояла и перед создателями, а также продолжателями (в том числе буддийскими) брахманской философии, хотя, может быть, и не столь остро как для европейских языков.

Основанием для такого предположения является то, что и для восточных носителей этого знания выразить суть первичной субъективности, а также вытекающие из такого восприятия представления о смерти человека, передать для других людей ключевые моменты субъективного бытия в чётко сформулированной словесной формуле «самодовлеющим и раз и навсегда

³ Лысенко В. Г., Терентьев Л. А., Шохин В. К. «Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма». М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994.

отчеканенном инварианте»⁴ было крайне сложно⁵. Не случайно, что для уяснения сути первичной субъективности приходилось прибегать к методу индивидуальных настроек, диалога, адаптированного под конкретного человека или аудиторию (чем, собственно, занимался Будда Гаутама и чем *не стремились* заниматься брахманы-авторы упанишад, которые первыми сформулировали философию атмана «я»/«меня»⁶).

Различия между «востоком» и «западом» в реализации этой задачи заключались в том, что «восток» мог хоть как-то, в том числе косвенными путями, достичь этой цели — донести мысль до слушателя, пусть и сопровождая процесс донесения слов процессом индивидуальной настройки воспринимающей матричной структуры мозга. Для «запада» это оказалось невозможным вообще.

Собственно, после книги Шохина, Терентьева и Лысенко о ранней буддистской философии я и стал позволять себе использовать термин «Атман», который вполне удачно вписался в карту восприятия субъектоцентричной модели мироздания.

⁴ Лысенко В. Г., Терентьев Л. А., Шохин В. К. Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994.

⁵ О том, как запутывали в словах сами себя представители брахманской философии, прекрасно видно по книге Шохина В. К. Брахманистская философия. Начальный и раннеклассический периоды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994.

⁶ «В сущности, — пишет В. Г. Лысенко, — мудрецы упанишад отнюдь не горят желанием нести свои знания „в массы“, напротив, они всячески противятся, лавируют и громоздят препятствия, если кто взыскует этих знаний». Но дело, наверное, не в том, что «учитель упанишад», как замечает автор, обычно не проявляет ни симпатии, ни сострадания, ни желания помочь, — он суров и иногда даже жесток (Лысенко В. Г. Ранняя буддийская философия // Лысенко В. Г., Терентьев Л. А., Шохин В. К. Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН 1994. С. 191—192).

МАРКЕР БРАХМАНА

Брахманом, если мы понимаем под этим словом прирождённого носителя определённого самоощущения и вытекающего из него мировоззрения, а далее философии, скорее всего, нельзя стать, им нужно родиться. Человек является таким брахманом по рождению. Вопрос — когда и как это проявится, если проявится вообще.

Это требует пояснения. Потому что далеко не каждый, кто родился, к примеру, в касте индийских брахманов, является носителем такого самоощущения, хотя замкнутость касты должна этому максимально способствовать, сохраняя эту многотысячелетнюю особенность⁷. Так же как у родившегося в любой другой семье нет безусловных препятствий, чтобы оказаться брахманом в этом смысле, но, видимо, гены имеют значение.

Нам важно было подчеркнуть, что «брахман» — это не религиозная функция, профессия, звание, наподобие кандидата или доктора наук, которое можно получить по совокупности знаний. Прочитал книги, послушал лекции, осмыслил, сформировал собственное мнение с известной степенью новизны, но опираясь на традицию, написал диссертацию; старшие коллеги посмотрели — научное содержание и литературная форма интересные, цитаты верные, дух академический, защита. В клуб учёных принят.

Также здесь бесполезно эзотерическое умствование, такое как, например, у Е. Рерих и иже с ней. Нельзя стать «брахманом» в результате «просветления мозга», произошедшего по результатам чтения каких-либо текстов, общения с просветлёнными гуру или эзотериками (цитату М. Юлена приведу позднее).

Каков же «маркер» брахмана?

В основе сущности брахмана/будды — атман. Атман — это не «что-то», атман — это не объект (как писал А. Пятигорский — «Я не Оно»). Атман — это я, особое самоощущение, чувство собственной субъектности, но не простое, а очищенное до абсолютного значения. Очень неплохо его описывает литература. «Атман» — субъект, редуцированный до голой субъективности⁸. Но его нужно именно почувствовать, быть отождествлённым с ним. С этим, в принципе, были согласны и создатели философии брахманизма. В «Катха-упанишаде» утверждается: «...Атман не постигается интеллектуальной деятельностью, но только тогда, когда сам открывает себя тому, кого избирает (II.23)⁹».

Следующий шаг — понять почувствованное.

Чувство голой субъективности у разных людей, которые получили этот опыт, — одинаковое. Ведь это именно голая «химически чистая» субъективность, и она не может иметь отли-

⁷ Термин «брахман» для современных людей мы в этой работе используем условно и ни в коем случае не понимаем под ним именно представителей современной касты брахманов. Хотя почему бы представителю касты брахманов не быть носителем чувства голой субъективности? В конце концов, ортодоксальные брахманы-философы были именно такими. Как пишет В. К. Шохин, с брахманами-«догматиками» связано формирование первоначально значимых элементов всего «положительного» брахманистского философствования. Им принадлежит заслуга первого опыта создания исходного проблемного фонда в философской традиции брахманизма. Ими поднимается серия проблем, могущих быть охарактеризованными очень условно как нечто, подобное онтологии индивида: проблемы субстанциальности его нетелесного начала, происхождения ментальных состояний и их соотношения с *Атманом как нематериальным ядром индивидуального существования*. Шохин В. К. Брахманистская философия. Начальный и раннеклассический периоды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. С. 97.

⁸ В. Г. Лысенко пишет: «в поисках самости или «я» мыслители и «гностики» упанишад постепенно отбрасывают как не имеющие отношение к «я» тело, эмоции, мысли и доходят до некоего нередуцируемого и невербализуемого, но всё же одушевляющего весь человеческий опыт принципа, который они и называют «Атман». Лысенко В. Г. Ранняя буддийская философия // Лысенко В. Г., Терентьев А. А., Шохин В. К. Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма. М., 1994. С. 177.

⁹ Шохин В. К. Брахманистская философия. Начальный и раннеклассический периоды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. С. 159.

чий. Раз так, то и правильно произведённое понимание, осознание такой субъективности будет одинаковым. Чётко и без ошибки (не «запутавшись в словах» — а это принципиально сложно) осознавшие её люди придут независимо друг от друга к одним и тем же мировоззренческим и предфилософским выводам (конечно, в контексте культуры своей эпохи). Изложат эти выводы примерно одинаковыми текстами. По сути, все люди, почувствовавшие голую субъективность, являются в известной степени нейронными двойниками.

В силу того, что человек-атман, описывая чувство атмана, *будет описывать самого себя и своё место в системе бытия*, он неизбежно подойдёт и к вопросу о собственной смерти. И вывод о собственной смерти как возможном событии субъектоцентрированного бытия будет у разных людей-атманов одинаковый. Это будет вывод о реинкарнации/перевоплощении/перерождении.

Брахманы, будды и иные люди с опытом «чистого атмана» приходят к одним и тем же выводам о реинкарнации одинаковыми путями, базируясь на идентичном опыте без и до какой-либо книжной мудрости. Эти люди узнают друг друга «в лицо» очень легко, по нескольким фразам об атмане и реинкарнации. Это ключевые пароли.

Представление о реинкарнации, созданное, отталкиваясь от чувства атмана, будет истинным, но иным, нежели то, которое возникает в фантазийном уме человека, начитавшегося эзотерических книг и надумавшего по этому поводу много всяких мыслей, или в уме философа, занимающегося абстрактными размышлениями. Разница не меньшая, чем между человеком, испытавшим чувство опьянения, погрузившимся в него, «набив фингал на лбу», и тем трезвенником, который о сути опьянения судит лишь по описаниям из текстов и наблюдению за пьяными людьми со стороны. Увы, большинство людей, рассуждающих об атмане и реинкарнации, похожи в этом на девственницу Валерию Новодворскую: «Секс — это просто, я про него всё знаю — читала».

ФИЛОСОФИЯ АТМАНА

Моя реальность структурирована на субъект и объект. Иной реальности я не знаю, почувствовать и описать не могу. Описание бессубъектное или безобъектное — не более чем спекуляция, бессмысленная игра словами.

Субъект это внутреннее. Объекты — внешнее. То есть субъект — это центр.

Всё известное мне Бытие «я — не-я» субъектоцентрично, а субъект — это я.

Это может произнести каждый для себя сам.

Я/Атман — в центре Абсолюта.

Субъективно я для самого себя нахожусь среди окружающего меня мироздания. «Среди окружающего мироздания» — значит в центре мироздания.

Я-Атман — это точка, от которой отходят векторы субъектоцентричного отношения к Абсолюту. Векторы могут «возвращаться» в сторону биологического носителя атмана. Тогда носитель атмана (но не сам атман) оказывается объектом восприятия.

Внешним по отношению к атману (ко мне) является всё мироздание — сфера мира не-я: звёзды, планеты, леса, животные, люди, любые другие предметы. И даже внешним по отношению к местоимению «я», «атману», является моё тело, которое потенциально изменчиво при неизменности ощущения «я — не-я» (потерял руку, потерял ногу, потерял память, сошёл с ума и приобрёл иную личность — стал считать себя Наполеоном, забыв полностью о прошлом, клеточный состав тела практически полностью меняется за всю человеческую жизнь, но всё равно я остаюсь я), поэтому тело и душа человека — тоже относятся к миру «не-я» (хотя это сначала трудно понять). Рука — это «она рука», глаз — это «он глаз». Ещё раз повторим А. Пятигорского: «я — не оно». Тело в ходе биологических и психических процессов создаёт этот эффект местоимения «Я»/Атман, но само по себе атманом не является. То же самое и с духовным миром, который изменчив и относится к миру «не-я»¹⁰.

Потому важно, что атман не имеет сущностных характеристик, в этом он *подобен* точке в физике (см. прекрасную работу Н. В. Исаевой «Математическая точка метафизики — Брахман как бесконечно малая величина» в сборнике, посвящённом памяти О. Волковой)¹¹.

Физика не предполагает, что у точки есть физические характеристики объекта-вещи (длина, ширина, объём и тому подобное). Но это не значит, что физика отрицает существование точки. Точка — одна из важнейших характеристик пространства для современной физики/математики.

Точка имеет координаты в пространстве (и сама является такой координатой), но не имеет характеристик сущностных. Для понимания атмана — это просто начальная точка чувственного мира живого существа.

Если использовать для описания такой точки (не являющейся сущностью) игру слов, изменяя ударение, можно сказать так: «Точка имеет место, но точка не сущЕствует». Её нет в мире сущностей. Мир любых сущностей для точки — это внешнее.

¹⁰ Из этого исходили, собственно, и древние авторы. «С точки зрения адвайты телесные характеристики лишь временно накладываются на неизменную сущность атмана, затемняя его вечную природу. К числу этих характеристик относятся не только внешние физические признаки, но и психические особенности личности: темперамент, привычки, эмоции, всевозможные восприятия, наконец, вся разумная и рассудочная деятельность». Исаева Н. В. Шанкара и индийская философия. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 61. «Нагарджуна считает — Этой сущности, атмана, нет отдельно от состояний сознания (bhava), как нет этих состояний без „я“, дающего им единство». Исаева Н. В. Указ. соч. С. 101—102.

¹¹ Smaranam. Памяти Октябрины Фёдоровны Волковой. Сборник статей. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. С. 257—268. Заметим, что, несмотря на использование в названии работы В. Н. Исаевой слова «Брахман», здесь речь идёт в первую очередь об атмане, т. к., согласно воззрениям Шанкары, атман, как высшее «я», тождественен Брахману (творящему началу мироздания). Причины возникновения мысли о тождестве высшего атмана и Брахмана мы далее разбирать не будем, это не предмет данной работы.

Совершенно естественно, по этой причине, что «я» — это местоимение, а не имя существительное, т. е. это слово не является той частью речи, которая служит для обозначения сущностей.

Из-за того, что атман не имеет сущности и что он один-единственный в системе «я — не-я» (среди Абсолюта я/атман абсолютно одинок (у меня нет двух меня), первый атман, появившийся после смерти живого существа, неизбежно будет тождественен атману умершего. Это будет тот же самый атман. Та же точка чувственной субъектоцентрированности бытия, но в другой биологической оболочке.

Атман = я. И тот (кто умрет), и тот (кто первым родится) — я.

Принципиально важно, что мы говорим не об атмане как объекте, а как о субъекте.

Атман — это голая субъективность. Я.

Таким образом, после смерти предшественника и рождения последника это будет одна и та же субъективность — «я».

Она не передаётся, она возникает заново, но в тождественном виде. Значит, и здесь — я, и там (после моей смерти и рождения первого живого существа) буду я.

Первое живое существо, родившееся после моей смерти, занимает моё место в системе бытия.

Между мной и живым существом, первым родившимся после моей смерти, нет содержательной связи. Просто на место одного «я» становится другое «я». Но и то, и то — «я». «Я» — тождественное (правильно говорить — тождественный), поскольку бессущностное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.